

ПОЛУТОНА

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

НА СЦЕНУ приходят по-разному. Как считает Оля, никаких помыслов о театре у нее не было и в помине. Но однажды на школьном вечере отважилась в отрывке из «Бориса Годунова» сыграть Марину Мнишек. Правда, от испуга начисто забыла текст. Классной руководительнице это дало лишний повод назидательно заметить: «Вот, Антонова, твои всегдашние недоработки...»

Летом загорала у Петропавловки. Рядом двое готовились к экзаменам в театральный институт. Один читал: «Осел увидел соловья...» Другой делал замечания. Повторялось это и пять раз, и восемь, и двадцать... Читал парень ужасно, и Оля не выдержала:

— Зря стараешься, тебя не примут...

— Может, ты покажешь, как читать басню?

— И покажу.

— Вот и подавай завлечение в театральный, раз такая способная...

И она действительно отнесла документы на Моховую, и читала на экзамене про этих самых осла и соловья, и стала студенткой. (В дальнейшем была у Оли еще одна встреча с «образом осла». В студенческом спектакле «Цирк» роль упрямой животинки, отказывающейся подчиняться дрессировщику, она исполнила столь озорно и самообитно, что впоследствии с этим номером пришлось долго концерттировать).

А ПОТОМ ее взял в свой театр Николай Павлович Акимов и поручил начинающей актрисе главную роль в спектакле «Инкогнито». И зрители увидели обаятельную девочку с пучками светлых волос и таким ясным взглядом, какой бывает только у очень хороших людей. Невероятно обаятельная юная максималистка Чулка Залыгина подкувала искренностью. В создании образа Оля шла от себя. Оля очень устало, где по тексту он вообще отсутствовал. В общем, как отмечала в то время «Смена», Шурка Залыгина в ее исполнении согрела и пьесу, и спектакль.

С той поры прошло

уже шесть лет, но, к сожалению, другой роли такого масштаба у Антоновой пока не было. А раз так, Оле снова и снова приходилось подтверждать старую истину насчет того, что нет маленьких ролей, а есть маленькие актеры. Поэтому мы запомнили кондукторшу автобуса в «Разорванном рубле», поэтому оказалась интересной в спектакле «Гусиное перо» очень небольшая роль Наташи Мордвиновой, школьницы со сложным характером, поэтому остается в нашей памяти даже абсолютно «голубая» Ира из «Звонка в пустую квартиру».

И только в «Волшебных историях Оле-Лукойе» Антонова снова по-настоящему начинает обретать себя. Оля предстает то принцессой на горошине, то деревянной куклой, то мальчишкой с метлой, то фрейлиной, то старательным пажом (роль без единого слова). И всякий раз — иная пластика образа, иной ритм. Даже если роль совсем крохотная, актриса все делает неожиданно, убедительно и красиво. По всему чувствуется, что ей самой очень нравится участвовать в этом веселом представлении, где так много музыки, где надо и петь, и танцевать... И она заразительно и поет, и танцует, и дети в зале вместе с ней тоже от души веселятся...

...И вот теперь — Достоевский, «Село Степанчиково». Достоевский — ее страсть. О Достоевском она может говорить часами. В «Селе Степанчикове» роль Оле досталась совсем крохотная. Она играет мальчика Фалалея, который, как известно, любит плясать «камари и скую». Когда Фома Фомич запретил ему видеть сон про белого быка, этот сон несчастному Фалалею стал сниться фатально. Для мальчика это трагедия! Да, понятие трагического в жизни, наверное, все-таки очень относительно: один вспоминает войну, другой — разбитую чашку... Для кого-то вопрос: «Что ты видел во сне?» — ничего не значащая ерунда, а для маленького веселого Фалалея в нем буквально дыхание смерти. В этом есть и смешно, и жутко-страшное одновременно. И чем трагичнее сыгран Фалалей, тем страшнее сам Фома Фомич, тем явственней вы-

рисовывается еще одна черта его непростого характера.

ИГРАЯ роль, Оля всегда старается оставаться самой собою, всегда ощущается ее отношение к своему герою. Поэтому даже в проходном эпизоде она отвергает любовное решение образа. Поэтому для нее самый высокий образец в искусстве — Чарли Чаплин. Помните, Чарли Чаплин и Малыш? Малыша увозят — и героя охватывает ужас. Он бежит за машиной, но как нелепо, как смешно бежит... И от этого двуединства рождается образ огромной трагической силы. Вот и Оля, насколько может, пытается тянуться к такому образу, пытается, чтобы во всех ее героях, при любых обстоятельствах, сочетались и смех, и слезы.

И еще она стремится к неожиданности, к эксперименту. Такой неожиданностью стала роль одного из пяти Болванов в спектакле по пьесе американского драматурга Д. Хеллера «Они бомбили Нью-Хейвен». Одета в пятнистый военный мундир, в тяжелую каску, но с артистической бабочкой на шее, Оля и четыре ее партнера появляются почти в каждой сцене — и вот уже, от картины к картине, едва слышав знакомый мотив, мы нетерпеливо ждем ее выхода. Она и поет, и пляшет, если только можно назвать пляской эти развязные и вывернутые движения... Хотя Болваны — вроде бы лишь акцент к происходящему на сцене, они мигом берут на себя основное внимание, начинают задавать спектаклю темп. А для Оли — Болван страшен. Страшен этот тупой исполнитель чужой воли, который с одинаковым удовольствием будет и плясать и нести гроб...

Казалось бы, роль секретарши Верочки в комедии Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова «Служивцы» для Антоновой — не ахти какая находка. Все в ней достаточно однопланово и традиционно. Но все-таки Оля и здесь сумела найти свой, особенный стиль поведения — одновременно грациозный и небрежный, мгновенную ироническую реакцию по любому поводу. Ее Верочка даже передразнивает мило, даже дерзит

со вкусом. А присмотреться к ее разбитной походке (которую актриса специально для этой роли переняла у одного знакомого), взгляните, как она обыгрывает свой экстравагантный костюм... Все-таки совсем не случайно эту небольшую по объему работу в прошедшем году молодежная секция при Ленинградском отделении ВТО отметила как лучшую.

В ПРОЧЕМ, может быть, у кого-то из зрителей и об этой, и о других ее ролях несколько иное мнение, потому что много еще зависит от того, на какой спектакль ты попал. Играет Оля неровно, раз и навсегда закреплять найденное не любит... Сегодня пробует одно, завтра — другое. Если в чем-то очень убеждена, несмотря на сдержанную реакцию зала, все-таки старается добиться своего, переубедить публику. И чаще всего это ей удается. Потому что Оля уверена, но не навязчива. Если выходит к зрителю с какой-то мыслью и чувствует, что он с ней не совсем соглашается, насильно доказать свою правоту не старается, ибо тогда между актрисой и залом сразу неминуемо возникнет отчуждение. Нет, она спокойно продолжает свое дело — без резкой аффектации, на любимых полутонах, и эти полутона, как правило, зрителя и обезоруживают, и убеждают. И еще эти полутона очень привлекают своей негромкой естественностью.

Из зрительного зала Олю узнать просто. Гримом пользуется скромно, к парикам прибегает крайне редко. Даже когда играет мальчика Фалалея, внешней маске уделяет минимум внимания. Просто в этот миг Оля убеждена, что она — мальчик, и эта ее уверенность мгновенно передается в зал. Это как гипноз. (Зритель вообще тонко улавливает состояние актера. Рассказывают: одна актриса как-то вышла на сцену не в своей обуви. Проиграла полспектакля и вдруг увидела: не те туфли! И в то же мгновение весь зал вслед за ней посмотрел и ахнул: не те!).

ША ДНЯХ в спектакле по забытой пьесе Бернарда Шоу «Тележка с яблоками» мы встретимся с ее Алисой, потом предстант знакомство с главной героиней в новом спектакле Арбузова. Может, это опять будут полутона, может, что-то другое... А дома Оля любит шить, рисовать, петь романсы, возиться с дочкой и мечтать о новых ролях.

Л. СИДОРОВСКИЙ